

Ю. А. Ващенко,

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, г. Харьков

ПОЭТИКА ОТСУТСТВИЯ В РОМАНЕ А. РОБ-ГРИЙЕ «В ЛАБИРИНТЕ»

В статье исследуются особенности аудиовизуальной поэтики романа А. Роб-Грийе «В лабиринте». Констатируется художественная значимость взаимодействия визуального и аудиального кодов романа. Устанавливается, что в контексте «нерепрезентативной» поэтики «нового романа» (отсутствии традиционной «истории», «персонажа», нарратора и наррататора) мотивная доминанта отсутствия реализуется посредством коррелирующих образов пустоты, тишины и молчания.

Ключевые слова: А. Роб-Грийе, «В лабиринте», «новый роман», аудиовизуальная поэтика, поэтика отсутствия.

У статті досліджуються особливості аудіовізуальної поетики роману А. Роб-Грийе «У лабіринті». Констатується художня значущість взаємодії візуального і аудіального кодів роману. Встановлюється, що в контексті «нерепрезентативної» поетики «нового роману» (відсутності традиційної «історії», «персонажа», наратора й нарататора) мотивна домінанта відсутності реалізується за посередництва корелюючих образів порожнечі, тиші й мовчання.

Ключові слова: А. Роб-Грийе, «У лабіринті», «новий роман», аудіовізуальна поетика, поетика відсутності.

The article deals with the specifics of audiovisual poetics of A. Robbe-Grillet's novel «In the Labyrinth». There is a statement of significance of visual and audial codes interaction in the novel. It is ascertained that in the context of «non-representative» poetics of the «New Novel» (lack of the traditional 'story', the character, the narrator and the narrator) the motive dominant of absence is realized by the correlated images of emptiness and silence.

Key words: A. Robbe-Grillet, «In the Labyrinth», «New Novel», audiovisual poetics, poetics of absence.

Творчество А. Роб-Грийе (1922–2008), одного из создателей школы «нового романа», достаточно полно осмыслено в трудах французских (Р. Альман, Р. Барт, П. де Буадефр, Ф. Дюга-Порт [8], Ж. Женетт, М. Надо, Ж. Рикарду и др.), российских (Л. Г. Андреев, С. И. Великовский, О. Евгеньева, Л. А. Зонина, А. Строев) и отечественных (Л. Г. Еремеев) ученых как классика модернистского письма, «романа о романе», отвергающего традиционные понятия «персонажа» и сюжетной «истории». Характеризуя поэтику романа А. Роб-Грийе «В лабиринте» (1959), исследователи обычно выделяют ее визуальную доминанту («<...> смысл для этого автора рождается по большей части как визуальная практика» [3, с. 7]; «<...> «голос» рассказчика проявляется только как точка зрения» [3, с. 7]); акцентируют «роль и функции взгляда на нарративном и фикциональном уровнях новороманного текста» [2, с. 11], уточняя, однако, что «<...> если романы А Роб-Грийе и изобилуют описаниями <...> вещей (шозизм), то вопрос о «визуальном» должен быть истолкован в ироническом ключе. Подробные описания призваны <...> показать не реальное, но ускользающе эфемерное, авторские фантазмы» [4, с. 10]. Речь, таким образом, идет об *отсутствии* реального референта, к которому могла бы отсылать богатая визуальная образность романа (мотив *глаза*, включая его аналоги – *взгляд, окно, стекло, водная среда, полированная поверхность*). В то же время весьма значимым аспектом *поэтики отсутствия*, присущей роману «В лабиринте», оказывается аудиальный код. **Цель** нашей статьи – выявить особенности аудиовизуальных корреляций, поэтологически реализующих мотивный комплекс *отсутствия* в романе А. Роб-Грийе «В лабиринте».

В контексте «нерепрезентативной» поэтики «нового романа» (разрушение параметров традиционного романа – сюжетной «истории» и «персонажа», отсутствие нарратора и наррататора) [7], осмысленной современным литературоведением в параметрах постмодернизма [3; 4; 5], актуализируется и постмодернистская *поэтика отсутствия* как одно из средств художественной реализации концепта эпистемологической неуверенности. «Отсутствие, как феномен художественного дискурса, обретает особую актуальность на современном этапе литературного процесса, эстетической доминантой которого является постмодернизм. Апологеты этого направления провозглашают отсутствие автора (под рубрикой «смерть автора»), отсутствие читателя (под рубрикой «смерть читателя») и даже отсутствие смысла художественного сообщения (под рубрикой «деконструкция текста») [1, с. 76].

Трактуя категорию отсутствия с позиций когнитивной поэтики, О. О. Беляков [1], в частности, предлагает ее типологию на уровне лингвальных и текстуальных схем, а также на уровне схем картины мира. «В романах постмодернизма отсутствие <...> воспринимается как структурно-семантическая, нарратологическая и концептуальная доминанта произведения» [1, с. 78]. На уровне лингвальных схем поэтика отсутствия проявляется как нарушение синтаксического построения предложений («оборванные предложения, замена ожидаемой информации пропусками в виде тире или слова-субститута и отсутствие маркеров художественно репрезентированных форм речи персонажей» [1, с. 78]); на уровне текстуальных схем – отсутствие нарратора, отсутствие наррататора, отсутствие персонажа, отсутствие как результат деформации текстуально-дискурсивных категорий, отсутствие пространственно-временных координат; на уровне схем картины мира – когнитивный диссонанс как отсутствие корреляций между «возможным миром» художественного произведения и схемами картины мира читателя [1, с. 81].

Мотивная доминанта отсутствия реализуется в романе «В лабиринте» посредством образов пустоты, тишины и молчания. *Отсутствие персонажа* («вокруг ни души» [6, с. 264]) маркировано лишь его следами, отпечатками: «Видны только оставленные прохожими следы» [6, с. 242]. Однако и они исчезают: «<...> нет на снегу никакого следа человеческой ноги» [6, с. 276]; «<...> следы мальчугана исчезают медленнее» [6,

с. 275]; «*И на полу исчезли лоснящиеся дорожки*» [6, с. 278]. Знаком отсутствия становится и звук: невидимые персоны позволяют «угадывать этапы своего пути лишь по различному звучанию шагов» [6, с. 266]; «*Шаги все стучат по асфальту оцепеневшей от стужи улицы*» [6, с. 268]; «*<...> шаги <...> направляются в другую сторону*» [6, с. 268].

Звуки либо тихи, слышны «словно эхо» [6, с. 262], «совершенно невнятно» [6, с. 278], либо вовсе отсутствуют («*И ни звука*» [6, с. 267]; «*Этот мерный перестук сюда не доносится, как и любой другой звук*» [6, с. 242]). Слова – неразборчивы, обрывочны: «*Далекий голос* произносит в ответ несколько неразборчивых слов, <...>» [6, с. 266], во фразе невозможно разобрать «*что-нибудь кроме наплыва бессмысленных звуков*» [6, с. 278]. Коммуникация между романскими фигурами (солдатом, женщиной, мальчиком) отсутствует либо обречена на провал: они «*молча глядят друг на друга*» [6, с. 269]; некто «*<...> слышит голос, произносящий три-четыре слога, смысл которых он не успевает уловить*» [6, с. 264], – «*и снова наступает молчание*» [6, с. 269]. «*Мальчик отвечает все с теми же недомолвками*» [6, с. 255]; «*почти шепотом, обрывает фразу*» [6, с. 266]. Услышанный «*<...> голос <...> становится ровным, далеким, как бы отсутствующим*» [6, с. 256], он «*как бы нарочно тусклый*», словно та, кому он принадлежит, «*хочет остаться безликой*» [6, с. 262].

Полной тишине романного мира соответствует абсолютная его пустота: «*дом вообще необитаем*» [6, с. 260]; «*глаза мальчугана устремлены в пустоту*» [6, с. 261]; «*сцена смотрит в ничто*» [6, с. 261]. «*В окнах – никого, никто не прильнул к стеклу, никто, хотя бы и смутно, не виднеется в глубине комнаты*» [6, с. 249].

Аудиовизуальные корреляции («*безмолвный взгляд*» [6, с. 255]) подчеркнуты в романе «В лабиринте» параллелизмом синтаксических конструкций: «*Кругом все пусто, предметы домашнего обихода, <...>, отсутствуют: ни циновок перед дверьми, ни коляски под лестницей, ни ведра и метлы в углу*» [6, с. 265]; «*И ни звука: ни шагов, ни приглушенного шепота, ни грохота посуды. Дом кажется необитаемым*» [6, с. 267]. Если звуки появляются, то они призваны лишь отгородить пространство тишины: «*Дробный перестук подбитых железом каблук все явственней слышится в тишине оцепеневшей от стужи ночи*» [6, с. 242]; «*<...> в такой тишине у снега особая звукопроводимость*» [6, с. 264].

Метафорой эпистемологической неуверенности выступает у А. Роб-Грийе мотив искаженного, «ненадежного» видения. Роль зрения как источника достоверной информации ставится под сомнение («*Он <...> пристально глядит перед собой, о чем свидетельствуют его широко открытые глаза <...>. Это свидетельство, правда, не слишком надежно <...>*» [6, с. 261]). Та же «ненадежность», сомнительность касается аудиального аспекта: «*<...> бесплотный, бледный отзвук тембра <...> – сомнительно даже, человеческий ли это голос вообще*» [6, с. 264].

В сфере хронотопа текстуальные сдвиги подчеркивают отсутствие размежевания эпизодов во времени (окончание одного абзаца – это одновременно начало следующего, но также и новый временной пласт): солдат «сходит» с картины «прошлого века» [6, с. 249] и оказывается в «сегодняшнем» кафе. Трансвременная связь эпизодов осуществляется через предметные образы (графический эстамп, черно-белое фото).

Аудиовизуальные образные соответствия в романе «В лабиринте» наблюдаются не только в реализации мотивного комплекса отсутствия, но и в других мотивных сферах. Так, доминирующая в романе визуальная поэтика экспрессионистского черно-белого офорта, создаваемая геометризацией изображаемых форм (круг, квадрат, прямоугольник, параллели, вертикальные полосы), использованием лексики соответствующей семантики (рисует, чертит; контуры, очертания, начерченный и т. п.), черно-серо-белым колоритом (вернее, отсутствием цвета) и имитацией графического штриха поддерживается звуковым сопровождением, содержащим аллюзию на экспрессионистский мунковский «Крик»: «*<...> замелькали встревоженные взоры, искаженные воплем рты...»* [6, с. 268]; «*<...> испускает продолжительный вопль, который <...> обрывается громким стуком захлопнувшейся двери*» [6, с. 265].

Можно заключить, что в художественном мире романа «В лабиринте», при всей его предметной насыщенности, актуализирована поэтика отсутствия, сформированная системой аудиовизуальных корреляций (образами пустоты, необитаемости, тишины, безмолвия, молчания). Аудиовизуальные соответствия манифестированы на уровне лингвальных схем (оборванные предложения, слова-субституты (*никто, ничто, нигде*), паузы), на уровне текстуальных схем (отсутствие пространственно-временных координат, персонажа, сюжетной истории, нарратора и наррататора), а также на уровне картины мира (когнитивный диссонанс между горизонтом читательских ожиданий, сформированных поэтикой традиционного романа, и художественным миром «нового романа», разрушающего конвенции).

Перспективы исследования связаны с изучением аудиовизуального континуума романного творчества А. Роб-Грийе в контексте поэтики французского «нового романа», с расширением материала исследования (романы «Соглядатай», «Ластик» и др.), а также с анализом иных видов аудиовизуальных корреляций в художественном дискурсе.

Литература:

1. Беляков О. О. Типологія відсутності: когнітивно-семантичні аспекти (на матеріалі англо-американської прози ХХ ст.) / О. О. Беляков // Науковий вісник Волинського національного ун-ту імені Лесі Українки. – № 7. – 2010. – С. 76-81.
2. Вишняков А. Г. Поэтика французского Нового Романа / А. Г. Вишняков. – Автореф. дис. ... докт. филол. н. – М., 2011. – 40 с.
3. Гапон А. Г. Поэтика романов Алена Роб-Грийе (строение и функционирование художественного текста / А. Г. Гапон. – Автореф. дис. ... канд. филол. н. – М., 1998. – 20 с.

4. Маричик Ю. А. Формы письма в современном французском романе: вербальное и визуальное в творчестве М. Дюрас / Ю. А. Маричик. – Автореф. дис. ... канд. филол. н. – М., 2007. – 19 с.
5. Пестерев В. А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 312 с.
6. Роб-Грийе А. В лабиринте // Роб-Грийе А. В лабиринте. Бютор М. Изменение. Симон К. Дороги Фландрии. Саррот Н. Вы слышите их? / Перевод Л. Коган. – Л.-М. : Худож. лит., 1983. – С. 237-352.
7. Роб-Грийе А. Статьи из сборника «За новый роман» (1963) / А. Роб-Грийе // Собрание сочинений. Дом свиданий: Романы. Рассказы / пер. с фр.; сост. и предисловие О. Акимовой. – СПб. : Симпозиум, 2005. – С. 449-492.
8. Dugast-Portes F. Le Nouveau roman : une sÿsure dans l'histoire du recit / F. Dugast-Portes. – Paris : Nathan, 2001. – 244 p.
9. Robbe-Grillet A. Dans le labyrinthe / A. Robbe-Grillet. – P. : Les Editions de Minuit, 1959. – 320 p.